
Игорь Клев

«САТИРИКОН» И САТИРИКОНЦЫ*

«Сатирикон» – так назывался роман Петрония, в духе «Менипповой сатиры». Популярность журнала «Сатирикон» была в России беспрецедентной. Хлесткий петербургский еженедельник распространялся повсеместно и расходился нарасхват во всех слоях образованного общества. Его регулярно просматривал русский император, придирчиво изучали министры, сенаторы, чиновники всех рангов и цензоры – по долгу службы. Свежие номера «Сатирикона» цитировались ораторами в Государственной думе и на заседаниях Государственного совета, их горячо обсуждала либеральная интеллигенция. Нелицеприятные и стильные карикатуры, смелые остроты и прозрачные намеки сатириконцев вызывали возмущение у реакционеров всех мастей, а смешные рассказы и веселые шутки охотно читали непритязательные обыватели.

А.И. Куприн как-то посетовал: «Что и говорить, у нас было много талантливейших писателей, составляющих нашу национальную гордость, но юмор нам не давался. От ямщика до первого поэта мы все поем уныло». И в этом есть доля правды: чересчур уж это серьезная штука – жизнь в России. Тем не менее нельзя забывать о тысячелетней традиции существования «потешного» фольклора и скоморошества (нашей «рыжей» клоунады), столетиях существования феномена юродства (уникального «сакрального» шутовства), популярности в послепетровскую эпоху шуточных народных картинок (в перенятом у немцев жанре лубочной гравюры). В XVIII в. в русской поэзии и драматургии возникла и утвер-

* Клев И. «Сатирикон» и сатириконцы. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2013/36/s18.html>

дидась полноценная комическая традиция. Фонвизин, Крылов, Грибоедов, Пушкин блестяще осуществили «пересадку» на русскую почву французского остроумия. Особняком высятся Гоголь со своим чудачеватым малороссийским «гумором», перекликающимся... с английским юмором Стерна и Диккенса. После казни декабристов последовали десятилетия уныния, затем и прощальный всплеск искрометного дворянского юмора в 50–60-е годы XIX в. под маской «Козьмы Пруtkова» (А.К. Толстой и братья Жемчужниковы) в журнале «Современник» и убийственной аристократической сатиры – в лице Салтыкова-Щедрина. В эпоху Великих реформ Александра II им на смену пришла разночинская политизированная сатира (журналы «Свисток», «Искра»), но ненадолго – а затем надолго, если не навечно, обывательский беззубый юмор, со жвачкой о супружеской неверности, вредной теще, подвыпившем муже и дачных неприятностях (журналы «Будильник», «Осколки», «Стрекоза», где под псевдонимом Чехонте начинал свою литературную карьеру Чехов). Именно из кокона «окуклившейся» и давно растерявшей своих подписчиков «Стрекозы» 1 апреля 1908 г. бабочкой выпорхнул журнал «Сатирикон».

Дела с сатирой и юмористикой в Российской империи после революции 1905 г. обстояли из рук вон плохо. Журналы прошлого века окончательно одряхлели и уже казались анахронизмом. Размножившиеся радикальные издания – «Пулемет», «Молот», «Жало», «Сигнал» и т.п. – были последовательно придушены якобы отмененной цензурой (современники иронизировали: «С одной стороны, как будто и все дозволено, а с другой – как будто все и запрещено»). Но остались разнузданные черносотенные издания «Жгут», «Кнут», «Вече» и «Жало». Да в выходной день для всех остальных газет и журналов нарасхват шла так называемая «понеделничная пресса»: бульварные еженедельники «Понеделник», «Вести понеделника», газета «Копейка» и прочие, в которых пропагандировался сытый утробный смех и тихие радости похмелья после революционного опьянения предыдущих лет. «Сатирикон» появился, чтобы вернуть в журналистику и литературу «Смех – волшебный алкоголь» (по выражению самого талантливого поэта-сатириконеца Саши Чёрного).

После смерти прежнего владельца «художественно-юмористический» еженедельник «Стрекоза» находился на грани закрытия. Ни его нечаянный наследник, ни редакционные «зуб-

ры», ни ведущие карикатуристы младшего поколения Радаков и Ре-Ми (Ремизов) не знали, как быть. И тогда в редакции появился Аркадий Аверченко – провинциал в цилиндре и авантюрист. Он отрекомендовался конторщиком горного завода и бывшим главным редактором харьковских юмористических журналов «Штык» и «Меч», закрытых по приказу властей. Он предложил редакции свои рассказы, а также бизнес-план спасения (как это назвали бы сегодня) одного из старейших в России юмористических изданий. 27-летний Аверченко был талантлив, энергичен, и суть его плана была чрезвычайно проста. При отсутствии серьезных конкурентов можно было попытаться монополизировать расчищенное пространство – сделаться главным сатирическим изданием страны, журналом нового типа.

Дух времени благоприятствовал «Аверченко и К^о». Название «Сатирикон» предложил не Аркадий, но именно он, проявив незаурядные творческие и организаторские способности, сумел придумать, создать, а с лета 1908 г. возглавить новый журнал. Талантливые писатели России станут сотрудничать с «Сатириконом», а Аверченко единогласно провозгласят «королем смеха» (сейчас это кажется преувеличением). Просто пришло свежее и еще не битое поколение и переделало все по-своему.

Известный литератор Амфитеатров писал, что поэты-сатириконцы порождены «петербургской улицей», а их творчество – это «попытка создать новую полуинтеллигентную музу, усвоив и облагородив ходовые и любимые массою манеры стиха». Сатириконовские карикатуристы находились под впечатлением западноевропейской эстетики гротеска и осваивали опыт лучших зарубежных рисовальщиков. А главный редактор «Сатирикона» проповедовал смехотерапию. Тэффи в некрологе назовет Аверченко «единственным русским чистокровным юмористом, без надрывов и смеха сквозь слезы».

После пережитых военных и послереволюционных потрясений у большинства уцелевших возникает острое желание веселиться, радоваться, смеяться. В те годы Аверченко в своих «Рассказах для выздоравливающих» писал, что людям хотелось «много есть, много пить, слушать много музыки и много смеяться», чтобы было «много шума, веселья, беззаботности, бодрости и молодой дерзновенной силы». Современники с благодарностью откликнулись на предложение сатириконцев если не повеселиться, то хотя бы посмеяться. Один из них писал, что власти в России веками

душили смех, а российские сатирики отравлялись собственным ядом, и утверждал: «Была сатира, но не было смеха. Появление “Сатирикона” означало рождение смеха».

Вопреки жестокой борьбе с общественными язвами и драконовской цензурой сатириконцам все же какое-то время удавалось не растерять природного веселья. Все сотрудники редакции «Сатирикона» были завсегдатаями петербургского ресторана «Вена», куда обычно приходили шумной ватагой во главе с «батькой» Аверченко. Одни описывали эти застолья восторженно: «Шум вокруг столика стоит невообразимый... Художники между тем в балагурстве и празднословии обсуждают темы и рисунки для следующего номера, поэты и прозаики выслушивают “проказы” батьки... Совершенно незаметно, шутя составляется номер. Каждый знает, что ему нужно приготовить к четвергу». Зоркая и язвительная Тэффи в своих эмигрантских воспоминаниях то же самое видела иначе: «В свите Аверченко были друзья, резавшие правду-матку и бравшие взаймы деньги, были шуты, как при средневековом дворе, были и просто идиоты. И вся эта компания, как стая обезьян, говорила его тоном, с его жестами, и беспрестанно острила...»

В 1911 г. Саша Чёрный покинул «Сатирикон», публично заявив, что журнал приобретает «танцклассное направление». В 1913 г. в редакции произошел раскол из-за того, что владелец журнала, вопреки договору с пайщиками, повысил розничную цену номера, что привело к падению тиража, и попытался единолично вести финансовые дела. Теперь уже сам Аверченко хлопнул дверью и увел с собой главные силы журнала. Он создал литературное товарищество и приступил к изданию «Нового Сатирикона», оставив прежние рубрики: «Волчьи ягоды» (публикации на злобу дня), «Перья из хвоста» (азартная журналистская перепалка) и «Почтовый ящик» (самый читаемый отдел). Старый «Сатирикон» без «батьки» и его команды просуществовал ровно год.

«Новый Сатирикон» жаждал обновления и привлёк к сотрудничеству скандально известного футуриста Маяковского – к обоюдной выгоде. Дореволюционная поэзия Маяковского, а затем и его лубочные агитки «Окон РОСТА» времен Гражданской войны многим обязаны «Сатирикону» и сатириконцам, чьи удачные находки поэт «приватизировал» по праву гения. Февральскую революцию «Новый Сатирикон» приветствовал, а Октябрьскую бо́льшая часть редакции во главе с Аверченко приняла в штыки. Летом 1918 г. по настоянию Ленина журнал был закрыт.

Бывший владелец «Стрекозы» и «Сатирикона» в 1931 г. в Париже попытался возродить прославленный журнал, для чего привлёк лучшие силы русской эмиграции, однако не сумел продержаться и года. Если читатели и покупали французский «Сатирикон», то только ради печатавшегося в его номерах шедевра советского юмора – авантюрного романа Ильфа и Петрова «Золотой теленок».

Тематические номера «Сатирикона» – одна из придумок сатириконцев и их «конек». Из года в год повторялись номера «рождественский», «пасхальный» и «купальный». Изредка выходили едкие персональные номера – к юбилею одиозного газетного магната Суворина или великого писателя и проповедника «опрошения» Льва Толстого. Выходили номера, посвященные неискоренимым порокам человечества («О глупости», «О пошлости»), и номера на общие темы («бюрократический», «провинциальный», «театральный», «экзаменационный»). Но основную массу тем сатириконцам диктовала злоба дня: были спецвыпуски «восточный», «военный», «полицейский», «еврейский», «черносотенный», «пьяный», «о русской прессе», «о цензуре». В недолгий (всего полгода!) советский период появились выпуски «траурный», «марксистский», «пролеткультовский», «исторический» и опять же «купальный» – вот тут-то терпение большевиков и лопнуло. Существовали также издательские проекты «Сатирикона»: например, альбом «Сокровища искусств», где на разворотах соседствовали репродукции шедевров мировой живописи с их карикатурным перевираанием, к чему российская публика оказалась совершенно не готова.

Такого же рода издательским проектом стала вышедшая в 1909 г. иллюстрированным приложением, а в 1912 г. отдельным изданием «Всеобщая история, обработанная “Сатириконом”». С этим изданием приключилась пренеприятная история. Последняя, четвертая часть – «Русская история, обработанная “Сатириконом”» – оказалась арестована по требованию цензуры. Эту «Историю» современники читали в урезанном виде, без заключительной части. Царская цензура не потерпела насмешек над отечественной историей.

Проходят столетия, но по сей день не теряют актуальности слова Пушкина о духовной свободе и о том, как «чуткая цензура в журнальных замыслах стесняет балагура», написанные в далеком 1836 г. (тогда друг поэта Чаадаев был официально объявлен сумасшедшим за вольную трактовку русской истории). Спиноза в по-

добных случаях предлагал не смеяться, не плакать, а стараться понять, что на самом деле происходит и какой во всем этом смысл. Любопытно, что почти два века спустя в России повторяется похожая рокировка – ведется борьба за единственно правильную трактовку событий отечественной истории в учебниках: Октябрьская революция – благо или катастрофа? Сталин – герой или злодей?

Именно с учетом этой дурной бесконечности следует подходить к затее сатириконцев «надсмеяться» над всеобщей историей. Объектом насмешки выступали не столько человеческие пороки, грехи и недостатки, задним числом выдаваемые за достоинства, сколько ЛОЖЬ ОФИЦИОЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ, цель которой очевидна: чтобы сильные по-прежнему могли без помех «эксплоатировать» (как тогда писалось) и посылать слабых на бойню. До Первой мировой войны, в возможность которой мало кто верил, оставалось всего три года! Либеральная интеллигенция и сатириконцы ополчились на официальный учебник всеобщей истории академика Д. Иловайского, по которому должны были учиться в тогдашних средних школах (гимназиях и реальных училищах). Историком он был вполне профессиональным, но изрядным ретроградом. Все события мировой истории он трактовал с позиций замшелой доктрины «самодержавия-православия-народности». Конечно, для «прогрессивно мыслящей интеллигенции» такая позиция была как красная тряпка для быка, которую следовало растерзать. Но и обыватели желали, чтобы все потрясения наконец закончились, чтобы им «чай пить», по выражению Достоевского.

Еще раз: все это происходило за год до гибели «Титаника» и за три года до неслыханной всеобщей бойни в Европе – самой культурной части света. Не говоря уж о таких «мелочах жизни», как расстрелы толп «бунтовщиков», столыпинские «галстуки»-виселицы в России, а в «свободной» Франции правосудие в начале XX в. вновь обратилось к гильотине.

Вышучивать «Древнюю историю» стала Тэффи (Надежда Лохвицкая, по мужу Бучинская), «Средние века» – Осип Дымов (Иосиф Перельман), «Новое время» – сам Аркадий Аверченко, «Русскую историю» – О.Л. д'Ор (Иосиф Оршер). Расскажем о них.

Тэффи. Этот псевдоним писательница позаимствовала у Киплинга. Дочь знаменитого петербургского юриста, младшая сестра поэтессы Мирры Лохвицкой и будущего белого генерала Николая Лохвицкого. После развода, оказавшись с тремя детьми на руках,

она начала писать. В фельетонном жанре конкурировать с ней мог только Аверченко. Плоть от плоти «эмансипэ», Тэффи не испытывала творческих затруднений, поскольку писала от собственного лица для всех.

Начинала она со стихов, затем перешла к пьесам, фельетонам и юмористическим рассказам в духе раннего Чехова. В эмиграции «посерьезнела», но публиковалась не менее интенсивно. Написанные ею тогда рассказы издавались в СССР «пиратским образом», а вышедшие в Париже воспоминания остаются замечательным литературным памятником. Ее видение истории Древнего мира (с шуточками вроде «вляпаться в историю», «мертворожденные языки» и «трояне не прочь были поиграть деревянной лошадкой») было на «ура» воспринято читающей публикой.

Осип Дымов – русско-американо-еврейский (писал также на идиш) автор. Начинал как эпигон Чехова (даже псевдоним взял из его рассказа «Попрыгунья») и модный драматург. Над сатириконовской «Историей» он потрудился добросовестнее всех. Его изложение истории Средних веков – от падения Рима до падения Константинополя – по уровню компетенции и художественному вкусу приближается к зощенковской квазиисторической, пародийно-философской «Голубой книге». У Дымова более всего злободневных намеков и отсылок к современности. Где бился Роланд – там выросли дачи приват-доцентов. Где стрелял без промаха в цель Вильгельм Телль, построили отель. Ян Гус положил начало студенческим беспорядкам в Европе. У Тамерлана была такая же неестественная седина, как у режиссера Станиславского. Крестоносцев мучает проклятый вопрос: «Откуда на Луне взяться евреям?» Горький вдруг возникает, чтобы «плюнуть в лицо» интеллигенции, а Вильяма Шекспира бранят посмертно и почему зря Лев Толстой и Бернард Шоу. Короче – дурдом. У Дымова отменный слог и запоминающиеся остроты. Например: «Монархия жива предками, а республика потомками» или «Сила, с какой отталкиваются два соседних народа, прямо пропорциональна их родственности».

Аверченко взял себе самый выигрышный период – от Ренессанса до Наполеона, однако не сумел удержаться от плоских шуток вроде «На-поле-он». Он единственный из всех усматривает хоть что-то положительное в мировой истории, восхищаясь фигурами первооткрывателей и изобретателей. И тут же задает себе и

читателям проверочный вопрос: «Умер ли он в нищете?» Лютер у Аверченки – «постепеновец» и «октябрист» из фракции очередной Госдумы; пресловутый Наполеон – всего лишь «бывший артиллерийский офицерик» (Толстой с «Войной и миром» мог отдыхать!), а Александр Дюма оттого так много писал, что «всякому есть хочется». Дальше – больше: «Человеку нашего времени решительно непонятно: как можно воевать из-за религиозных убеждений?.. И жалко их всех, и смешно».

О, знал бы «король смеха», насколько человеческий рассудок не властен над историей, и как жестоко она посмеется над ним самим! Его похоронят в Праге в 1925 г. в возрасте 44 лет.

О.Л. д'Ору (Иосифу Оршеру) досталась самая неблагоприятная задача, но он успешно справился с осмеянием русской истории в духе А.К. Толстого (его «Истории от Гостомысла до наших дней») и Щедрина (бессмертной «Истории одного города»). Настолько успешно, что именно на его сочинение был наложен арест. Он единственный из четырех «пересмешников», кто не окажется в вынужденной эмиграции, останется на родине и будет работать в самых что ни на есть официозных советских изданиях – газетах «Правда» и «Известия». Осмеяние всеобщей и отечественной истории было в цене в первые десятилетия после победы «исторического материализма».

В старину говорили: выстрелишь в прошлое из рогатки, оно ответит тебе из пушки.

Жестче всего о сатириконцах написал их современник, друг Маяковского и один из самых блестящих советских интеллектуалов, писатель и ученый Виктор Шкловский: «Видеть и не увидеть, слышать и не услышать – обычная судьба людей, стоящих в конце своих эпох. Тут не помогут глаза и слух, потому что все закрыто запертностью, неприятием хода истории».

Тем не менее невозможно отрицать, что русский «Сатирикон» задал нечто вроде стандарта отечественной городской смеховой культуры: от Саши Чёрного и Маяковского – через корифеев советского смеха (в том числе «крокодильского» и «литгазетного») – до нынешней дешевой смеховой телевизионной эстрады.

С.А. Гудимова